

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. В. И. Мельник
г. Москва, Россия

ТЕМА БОЖЬЕЙ ТАЙНЫ В «УХЕ» И. А. ГОНЧАРОВА
Статья написана при поддержке РФФИ (грант 17-04-50064)

Аннотация: В статье рассматривается притча-новелла И. А. Гончарова «Уха», написанная предположительно в июле–августе 1891 г. Предпринимается попытка внести коррективы в господствующее мнение о том, что итоговое в писательской биографии Гончарова произведение является лишь местным симбирским анекдотом о мужьях-рогоносцах и удалом пономаре. Новелла в значительной мере представляет собой литературную мистификацию, в которой сюжет может трактоваться одновременно и как анекдот об обманутых мужьях, и как евангельская притча о противопоставлении «мудрых и разумных», с одной стороны, и глубоко верующих «простецов», «младенцев» — с другой. Возможно, за бытовым сюжетом о рыбалке на Волге Гончаров рисует аллегорическую картину апостольского служения, где пономарь выступает в роли неученого апостола-рыбака, «ловца человеков», что совершенно меняет смысл произведения и его названия. В «Ухе» сквозят автобиографические мотивы непонимания человека окружающими людьми, автор отстаивает неприкосновенность тайны души человека и уповает не на человеческое мнение, но на беспристрастный Суд Божий. «Уха» включается в тот контекст произведений писателя, который показывает, что в русской литературе Гончаров был главным защитником человеческой личности и тайны человеческой души, подотчетной только Богу.

Ключевые слова: Евангелие, Гончаров, религиозность, автобиографизм, мистификация.

Информация об авторе: Владимир Иванович Мельник — доктор филологических наук, профессор, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Хибинский проезд, д. 6, 129337 г. Москва, Россия. E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Дата поступления статьи: 18.04.2017

Дата публикации: 15.12.2017

И. А. Гончаров скончался 15 сентября 1891 г. Незадолго до кончины он написал три небольших произведения, до сих пор являющихся камнем преткновения для исследователей: слишком они не похожи на все то, что писал романист до этих пор. В июле 1891 г. был написан «Май месяц в Петербурге», 20 августа окончена «Превратность судьбы» [1, с. 306]. Предположительно до 22 августа 1891 г. было написано самое загадочное из произведений под названием «Уха». Все три произведения объединены темой тайны духовного и нравственного преображения человека. Особый интерес представляет новелла «Уха».

В «Ухе» нет ничего лишнего, сюжет крайне строг и рассчитан. Миниатюра проникнута определенным ритмом действия, повествования, пространства. Пространственно она организована так, что действие внешнее, фабульное, очерчивает строгий, идеальный круг. Действие начинается тем, что «в городе С. из одного дома выехали две телеги», последние же слова произведения: «Обе телеги остановились у дома, из которого выехали утром». Круг времени (день) охватил круг действия. Однако такая законченность и видимая «неподвижность» (все окончилось там, где началось, герои как бы и не уезжали) лишь подчеркивает полный переворот, произошедший во внутренней жизни героев.

В новелле крайне рассчитано и соблюдено смысловое равновесие: она может быть прочитана двояко. Анекдотический по духу смысл обозначили первые комментаторы. В частности, П. С. Бейсов писал: «Пономарь Ерема, над которым потешаются приказчик, дьячок, мещанин и их бойкие жены, едущие на рыбную ловлю, оставляет их всех в дураках, чему способствует легкомысленное поведение их жен, соблюдающих только внешнее приличие» [2, с. 85]. Так же воспринял поздние произведения Гончарова А. Г. Цейтлин: «“Превратность судьбы” — довольно слабый рассказ о жизненных приключениях отставного штабс-ротмистра Хабарова <...> новелла “Уха” <...> не отделана не только в отношении слога, но еще больше в отношении характеров, в которых не подчеркнуты их своеобразные черты. Однако <...> не лишена достоинств; к ним в первую очередь принадлежит образ пономаря Еремы, который, несмотря на свою неуклюжесть и смирный характер, оставляет в дураках приказчика, дьячка, мещанина и их легкомысленных жен. Повествование “Ухи” ведется Гончаровым в быстрой и живой манере, с соблюдением местного колорита симбирской жизни» [9, с. 300].

«Оставляет в дураках» мужей и даже жен — так прочитано поведение и характер Еремы. В самом деле, произведение может быть осмыслено как «боккаччиевский» сюжет о мужьях-рогоносцах. Аргументов в пользу такой трактовки достаточно много. Три женщины поочередно заходят в шалаш Еремы, пока их мужья рыбачат, и пребывают там по часу каждая. Гончаров совершенно очевидно подчеркивает натуралистическую составляющую сюжета: «Мало-помалу голоса их становились все тише и тише, наконец, совсем смолкли и наступило молчанье <...> Это продолжалось <...> около часу». Выходят женщины «в возбужденном состоянии <...> поправляя прическу и платье на себе». Во-вторых, женщины после пребывания в шалаше меняют свое отношение к Ереме. Если раньше они смеялись над ним и тыкали в спину зонтиками, когда он крестился на храмы, то теперь молчат и смотрят в разные стороны. Автор снова подчеркивает, что их поведение необычно: «<...> женщины, обыкновенно большие болтуны, на этот раз рассеянно и молча стали хозяйничать, расставляли стаканы, чашки с одного места на другое без всякой цели и потом переставляли их на прежнее место, раскладывали провизию и мало занимались друг другом». Женщины открыли для себя нечто новое в Ереме. Когда мужья по привычке задирают Ерему, они говорят: «Что вы на него взъелись, в самом деле! Он тоже человек, как все люди, а не то, что какой-нибудь!» Перемена ситуации настолько разительна, что мужчины спрашивают: «Да что с вами поделалось? Обворожил, что ли, вас Ерема?» Возможно, изменение происходит и в Ереме: «Мужчины всячески задирали Ерему, но он ел, как молодой рекрут, много и молча». При этом следует учесть, что Ерема холост и молод, автор это тоже подчеркивает: «Он был холостой и все собирался жениться, да никто за него не шел, потому что он был колченогий и мало имел дохода». Кажется, что смысл «Ухи» однозначно анекдотичен: Ерема действительно «оставляет в дураках» трех мужчин.

Однако автор замыслил не простое произведение. В «Ухе» явно существует «встречный смысловой поток», в любом случае придающий новелле художественную неоднозначность и глубину. Во-первых, отметим, что весь натуралистический ряд слишком грубо и нарочито подчеркнут автором. Открытая акцентировка и смысловые нажимы являются очевидной трансформацией традиционной поэтики Гончарова. Можно было бы принять эту трансформацию за признак «старческого бессилия» Гончарова-художника (о «Превратности судьбы» А. Г. Цейтлин не случайно сказал: «довольно слабый рассказ»). Однако изменения в поэтике, в той или иной степени присущие всем трем последним миниатюрам Гончарова, на наш взгляд, вызваны другими причинами: писатель впервые открыто обратился к жанру притчи, хотя притчи не классической, а сочетающейся с признаками отчасти рассказа (более всего — в «Превратности судьбы») и новеллы («Уха»). Сам он, не вдаваясь в тонкости филологического анализа, обозначил свои произведения как «статьи».

Притчевость «Ухи» могла бы сводиться к простому анекдотическому стереотипу в духе новелл Боккаччо: глупый (слабый) торжествует над умными (сильными). Однако в «Ухе» совершенно очевидно просматривается (и уравнивает первую) притчевость христианского типа. Поэтика притчи-новеллы строится Гончаровым, с одной стороны, на явном акцентировании натуралистических намеков, а с другой — на их прямом или косвенном опровержении. Все дело в том, что мы не можем достоверно сказать, что же все-таки произошло с Еремой и женщинами, в чем причина перемены их отношения к нему. Аргументы за и против нравственного падения героев как бы уравнивают друг друга.

В «Ухе» одновременно действуют две логики: логика положения и логика поступков. Логика положения анекдотична и, с житейской точки зрения, вполне естественна: холостой и здоровый молодой человек, не предпринимая никакой активности, привлекает внимание женщин, каждая из которых проводит с ним в шалаше по часу, после чего женщины, вполне оценив достоинства Еремы, меняют к нему свое отношение. Ситуативная логика положения не только проста, прямолинейна, но и постоянно акцентируется автором, кажется, озабоченным тем, чтобы читатель эту логику понял и принял. Логика же поступков и действий имеет совершенно иную поэтику: она строится на умолчаниях и тонких намеках. Ее, по авторскому замыслу, разглядит и поймет не каждый читатель. На какого же читателя рассчитывал Гончаров и что он в конечном итоге хотел сказать своей притчей?

Поступков у Еремы в новелле совсем немного. По дороге на рыбалку он крестится на церкви, мимо которых проезжает. На рыбалке распрягает лошадей, ставит шалаш и ложится спать. Что он делал с женщинами, когда они приходили к нему в шалаш, принципиально оставляется автором за кадром. Далее он выпивает с мужчинами водки и ест, что называется, за троих. На обратном пути он снова крестится на церкви. В новелле Ерема представляется в поступках скорее объектом, чем субъектом действия: он является предметом шуток и «задираний» со стороны сначала мужчин и женщин, а потом — одних только мужчин.

Собственно поступки Еремы — это его поклоны Богородице и святым, чьи имена носят храмы. Кольцевая композиция косвенно указывает на то, что в своих видимых поступках Ерема несколько не изменился. Кресты он кладет истово, даже тогда, когда в его спину со смехом тычут зонтиками. В этом проявляется его воля, вера и незлобивый, действительно «смирный» характер. Поклоны и кресты, а также уход за лошадьми и самоваром — почти единственные признаки активности героя. Во всем остальном

он крайне пассивен и даже слегка ленив: «Хорошенько его, хорошенько, ишь как он лениво правит!» — продолжали кричать сзади мужчины. Ему наказывают задать лошадам овса, «хорошо, ужо задам», — лениво проговорил Ерема, поглядывая еще ленивее на обе телеги». Напомним, что Ерема лег спать, не проявляя к женщинам никакого интереса и оставаясь абсолютно пассивным. Ленца Еремы проявляется как до, так и после встреч в шалаше: «Сейчас, сейчас! — лениво сказал Ерема, — вот вам и самовар!» Даже ложку, чтобы есть уху, он берет «нехотя».

Но и пассивность Еремы еще не аргумент в пользу того, что в шалаше не произошло грехопадения. Характер Еремы показан, возможно, как очень цельный и представляющий русский простонародный менталитет: долго запрягает и быстро едет. В любом случае холостяк Ерема — мужчина хоть куда, он немногословен, великодушен и, судя по хорошему аппетиту и здоровью, способен на многое.

В то же время автор намеренно умалчивает о том, что было в шалаше. Он заводит с читателем игру, которая может придать повествованию как комический, так и драматический смысл. О событиях в шалаше читатель должен догадаться по косвенным признакам (например, перемена к нему отношения со стороны женщин, которые, кстати, не глядят друг на друга).

Но и косвенные признаки ставятся автором под сомнение: он вводит в повествование «признаки второго ряда». Например, Гончаров подчеркивает нереальность ситуации: Ерема располагает свой шалаш «поодаль» от основной группы, в то время как дьячиха «через час <...> торопясь, пришла к шалашу». Быстрым шагом за час женщина могла бы преодолеть расстояние в четыре-шесть километров. Но такое расстояние нельзя обозначить словом «поодаль». Кроме того, располагать шалаш на таком расстоянии ленивый Ерема не стал бы, да и просто это противоречит здравому смыслу, ибо в обязанности Еремы входит принести к ухе закипевший самовар. Воду он брал в реке, самовар принес назад, к реке, к месту рыбалки. В оба конца он должен проделать порядка десяти километров с самоваром в руках.

Гончаров словно бы хочет озадачить внимательного читателя. Если «поодаль» — это весьма близкое расстояние, в пределах обзора и досягаемости, то можно ли предположить вообще три грехопадения в шалаше? Учитывая, что каждая женщина по часу пробыла в шалаше и по часу шла в шалаш, то на все действие в реальности должно было уйти около шести, а то и семи часов. Все это время мужчины не могли неотрывно рыбачить, женщины, которые ходили к Ереме, не сговариваясь друг с другом, могли застать одна другую в шалаше и пр. Кроме того, известно, что Ерема бывал и прислуживал в домах всех трех женщин, так что если бы у них была тяга к холостому пономарю, им было гораздо удобнее без риска быть застигнутой мужем или товарками совершить прелюбодеяние дома, чем в близком присутствии множества людей и мужа.

Получается, что, акцентируя второстепенные детали, вроде оправления платья или хорошего аппетита молодого пономаря, которые могут быть естественными (выйдя из низкого шалаша, женщина обязательно поправит прическу и платье, а у молодого и небогатого человека может быть хороший аппетит, когда его угощают домашней пищей и свежизготовленной ухой), писатель ставит под сомнение главный фактор: место и время предполагаемого события. Тем самым ставится под сомнение и самая его принципиальная возможность. Таким образом, Гончаров заставляет сомневаться в логике «анекдота» об обманутых мужьях. Но в таком случае есть ли в новелле какая-то иная логика и к чему она может сводиться?

Следует обратить внимание на то, что в последних своих миниатюрах, написанных в течение двух последних месяцев жизни, романист резко меняет весь антураж

действия в повествовании. В «Превратности судьбы» и в «Ухе» главными героями являются люди, причастные к церкви. Отсюда — храмы, иконы, священнослужители... Если в «Превратности судьбы» главная тема — «судьба» как «суд Божий», как Божий Промысл, то в «Ухе», возможно, заключена христианская притча о «простецах» и «мудрецах». Пафос произведения, возможно, заключается в противопоставлении «простеца» «мудрым и разумным», в духе признания, которое сделал Гончаров в письме к А. Ф. Кони от 30 июня 1886 г.: «Я с умилением смотрю на тех сокрушенных духом и раздавленных жизнью старичков и старушек, которые, гнездясь по стенке в церквях или в своих каморках перед лампадой, тихо и безропотно несут свое иго — и видят жизнь и над жизнью высоко только крест и Евангелие, одному этому верят и на одно надеются! Отчего мы не такие. “Это глупые, блаженные”, — говорят мудрецы мыслители. Нет — это люди, это те, которым открыто то, что скрыто от умных и разумных. Тех есть Царствие Божие, и они сынами Божиими нарекутся!» [4, с. 76].

И это уже тема чисто автобиографическая, драматическая, подводящая итоги жизни и заставляющая глубже взглянуть в биографию и характер религиозности писателя. Можно ли воспринять новеллу как рассказ об одном из таких «простецов», «сынов Божиих», а может быть, и о самом себе? И что есть в изображении Гончарова самая рыбалка и связанная с нею «уха»? Вглядимся в детали повествования и снова вернемся к логике поступков, а не логике положения, где все ожидаемо и даже нарочито акцентировано автором.

Женщины — это единственные герои, которые претерпели изменение в поведении в новелле. По дороге на рыбалку они смеются над Еремой, толкают его в спину и просят угадать, кто это сделал. Все это происходит не просто так, а лишь в те знаменательные моменты, когда Ерема крестится на церкви, мимо которых проезжает телега, т. е. когда Ерема выступает в роли человека, исповедующего свою веру.

Дорога на Волгу показана условно как путь страдания для Еремы. Тычки зонтиками в спину во время молитвы — словно бы обытовленный вариант «заушения» Христа во дворе Понтия Пилата. Обращения женщин («Угадай, кто тебя ткнул, Ерема?») явно отсылают к Евангелию от Марка: «И некоторые начали плевать на Него и, закрывая Ему лицо, ударять Его и говорить Ему: прореки» (Мк. 14: 65). Сами зонтики, которыми женщины тычут в спину Еремы, весьма напоминают о той «трости», которой воины Пилата били Христа по голове (Мф. 27: 30). Гончаров ведет речь о мученичестве ради Христа, но в очень сниженном, как всегда у него, бытовом варианте.

Дорога обратно домой та же самая, Ерема опять крестится, но женщины уже не тычут ему в спину зонтиками. Переменился не внешний антураж, а внутренняя, духовная составляющая сюжета. «Простец» Ерема (имя которого означает: «Да возвысит Бог») предстал теперь в свете евангельских блаженств: «Блажени плачущи, яко тии утешатся, блажени кротцыи, яко тии наследят землю <...> блажени есте, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради: радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех» (Мф. 5: 4–12).

Интересен евангельский контекст самой рыбалки. Что делают на пикнике персонажи «Ухи»? Гончаров пишет: «Потом все стали есть, пить и веселились до вечера». Здесь снова идет отсыл к евангельским словам о неразумном богаче, который всецело занят земной жизнью и совершенно не думает о своей душе и о небесном: «И сказал им притчу: у одного богатого человека был хороший урожай в поле; и он рассуждал сам с собою: что мне делать? некуда мне собрать плодов моих? И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое,

и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, *ешь, пей, веселись*. Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил? Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет» (Лк. 12: 16–21). Для Гончарова эта евангельская притча, несомненно, много значила в последние недели жизни.

В новелле время и пространство показаны метафорически и символически. Дорога на рыбалку утром показана Гончаровым как утро жизни. Когда экипажи проезжают мимо храма Святой Троицы, в телеге, где сидят женщины, раздаётся песня о веселой, беззаботной и разгульной юности (первый период жизни души человеческой): «На первой телеге раздалось пение: “Юность, юность, веселися. Веселись, пока цветешь. Пой, резвися и кружися, ибо скоро ты пройдешь!” — пел женский голос» [3, т. 7, с. 212]¹. При этом экипажи легко катятся с горы к реке.

Обратная же дорога не оглашена смехом и песнями, она для женщин проходит в молчании, обозначившем их внутреннюю перемену. Хотя мужчины по-прежнему подзадоривают их «отдуть зонтиками» Ерему, они молчат и ничего не предпринимают.

Очевидно, что в шалаше с ними произошла какая-то перемена. Бокаччиевский вариант сам Гончаров подверг сомнению несоответствием выражений «поодаль» и «через час <...> торопясь, пришла к шалашу», хотя абсолютно исключить его нельзя. Возможно и иное. «Возвышенный Богом» Ерема не пытался совершить грех, но каким-то образом (скорее всего своим примером, ибо он не многословен) пробудил в женщинах совесть, после чего перестал быть предметом насмешки. Как это могло произойти и было ли — принципиально остается «тайной», на чем автор, как нам кажется, настаивает особо.

На первый взгляд, вариант христианской притчи кажется мало правдоподобным. Скорее, он может быть рассмотрен лишь с точки зрения «презумпции невиновности», поскольку никакого «события» все-таки не показано. Косвенно же в его пользу свидетельствует объективная ложность многочисленных и нарочито примитивных авторских «нажимов», которые на самом деле ничего не доказывают, а главное — противоречат духу поэтики Гончарова и скорее являются признаком мистификации. Но любопытно, что об этом же говорят и исполняемые женщинами песни.

Стоит обратить внимание, что, словно в увертюре, в «песенной» части новеллы, мотивы и настроения стремительно меняются, предваряя финальные аккорды; за спиной богобоязненного Еремы вслед за песней о разгульной юности раздаются уже другие по смыслу песни: «Женщины пели то “Среди долины ровныя”, то “Я в пустыню удаляюсь”». Песня «Среди долины ровныя» (1810) на стихи Алексея Мерзлякова — уже не разгульная. Напротив, в ней доминирует мотив душевного одиночества и тоски по истинной любви:

Среди долины ровныя,
На гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.
Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один, бедняжка,

¹ В данном случае Гончаров дает переложение стихотворения «К юности» поэта И. Дмитриева, своего земляка, ибо сюжет привязан к Симбирску и Волге.

Как рекрут на часах!

И т. д. [6, с. 35]

И уже совсем надрывный, горестный тон господствует в песне «Я в пустыню удаляюсь» (1791, автор песни — М. В. Зубова). Более того, песня, по сути, об иночестве, монашестве, о духовных обманах страстей мира сего и о монашеском уединении:

Я в пустыню удаляюсь
От прекрасных здешних мест;
Сколько горестей смертельных
Мне в разлуке должно снести!
Оставляю град любезный,
Оставляю и того,
Кто на свете мне милее
И дороже мне всего.
Пременишь нельзя предела,
Нельзя страсти истребить.
Знать, судьба мне так велела,
Чтоб в пустыне одной жить и т. д. [7, с. 12]

Таким образом, порядок лирических женских песен, каждая из которых звучит при встрече с Божьим храмом, служит увертюрой духовного события, произошедшего в новелле. От «Веселись, пока цветешь» поющие перешли к «Я в пустыню удаляюсь», от темы плоти к теме духа. Если смотреть на произведение как на симбирский анекдот об обманутых мужьях, этот авторский ход остается необъяснимым.

Перемена в настроении женщин совпадает с тем обстоятельством, что теперь «телега жизни» не спускается под песни и смех над «простецом», но поднимается в гору по дороге, где один храм стоит выше другого, словно ступени. Причем последний из них — храм Святой Троицы (обозначающей в духовном смысле Начало и Конец всему).

Наконец, если принять духовную версию событий и увидеть в «Ухе» христианскую притчу о духовной высоте смирения и простоты перед кичливостью и суетностью, то и фигура Еремы, и сама «рыбалка» предстанут в ином свете. День, отпущенный на рыбалку, метафорически может означать время деятельной жизни или «добрых дел», как сказано в притче о мудрых и немудрых девах. У каждой категории «ловцов» свой улов. Те, кто был настроен «есть, пить, веселиться», в том числе дьякон, показанный Гончаровым вовсе не церковным человеком, поймали рыбу на уху и, действительно, веселились «до вечера» (если говорить притчеобразно, то надо сказать — «до вечера жизни»). У Еремы, который как-то повлиял на женщин, был свой «улов», а именно — три человеческие души, которые не только его самого, но и его исповедание веры, его поклоны и кресты, стали воспринимать без насмешки. Возможно, он стал для них «правилом веры и образом кротости»?

В этой связи стоит вспомнить слова современника Гончарова, московского святителя Филарета (Дроздова). В свете этих слов женщины из «Ухи» представляются «мудрыми девами», а мужчины — «буиими» (немудрыми, бессмысленными, дерзкими): «Смерть для каждого человека, а последний суд для всего рода человеческого — отверзает дверь судьбы. Мудрые девы входят на брак жениха бессмертного — буии же из-

гоняются. Чтобы получить помилование, должно принести покаяние» [8, с. 298]. Перемена, произошедшая в женщинах, в свете христианской версии имеет своей причиной принесенное в том или ином виде покаяние, тем более, что слово покаяние означает «изменение», «перемена ума» (греч.). Накануне своей кончины Гончаров и поднимает тему утра «беспечной юности», затем главных поступков в течение дня (у женщин это именно «перемена ума») и, наконец, итогов «вечера» («Я в пустыню удаляюсь»). Эта «перемена ума» связана у женщин с Еремой: они изменили свое отношение к нему. Более того, в «перемене ума» этих женщин участвовал сам Ерема. В таком случае, если рассматривать «Уху» как в христианскую притчу, нужно было бы говорить об апостольском служении униженного людьми, но «возвышенного Богом» Еремы, которое с неожиданной стороны освещает смысл названия новеллы «Уха» — и говорит о совсем другой «ловле» — не рыб, а «человеков», ибо об апостолах, своих учениках-рыбаках, Христос сказал: «Будете ловцами человеков». В Евангелии от Луки Он обращается к Симону (будущему апостолу Петру): «И сказал Симону Иисус: не бойся; отныне будешь ловить человеков» (Лк. 5: 1–11). Вот о какой рыбалке, и о какой ухе, может идти речь в последней новелле Гончарова (Мф. 4: 19; Мк. 1: 17).

В пользу этой версии, кроме того, говорит и имя героя. Ерема в новелле унижен людьми, но «вознесен Богом» (о чем свидетельствует перемена отношения к нему женщин). Вряд ли христианин Гончаров в предсмертном рассказе мог допустить, что «вознесение Богом» следует толковать как «наставление рогов» трем мужчинам в промежутках между молитвами. Вообще как минимум две из трех предсмертных новелл Гончарова 1891 г. посвящены этой теме. Герой не только «Ухи», но и «Превратности судьбы» унижен людьми и вознесен Богом. Героя рассказа «Превратность судьбы» Леонтия Хабарова люди, отказывающиеся ему в месте службы, низводят до нищеты и унижения, но Бог оказывается силен возвести его в высокую должность «смотрителя работ при строящемся в Москве храме Спасителя». Это назначение Леонтий получает из рук самого государя. Как и в «Ухе», герой носит говорящее имя: Леонтий означает «львиный», а фамилия Хабаров происходит от слова «хабар», что означает: «прибыток, барыш, удача». Такую необычную, «львиную» удачу дает Бог герою как свою «божественную помощь в претерпенных испытаниях». Как видим, и Ерема, и Хабаров — сначала унижены, а затем «вознесены Богом» — и в обоих случаях это связано не только с их терпением, но и с молитвой, верой, с образом храма. В этом смысле «возвышение Богом» Еремы, по логике Гончарова, вряд ли связано с плотским грехом и грубым отпущением своим обидчикам, оставлением их в «дураках».

Тем не менее в итоге писатель оставляет нам свободу выбора, ибо именно свобода — главная тема «Ухи»: боккаччиевская и христианская притчи в новелле слишком тесно переплетены.

Что касается самого автора, то его позиция, на наш взгляд, определена прежде «исповедальным юродством» Гончарова, его попыткой объяснить свою собственную личность. Не три ли детских души «выловил» Гончаров, воспитывая трех ребятишек своего умершего слуги Трейгута? Не этим ли «трем душам» посвящена и оставлена в распоряжение «Уха»?² Но речь не только о семье Трейгут или вообще о чем-то конкретном: к концу жизни всякого рода непониманий у писателя накопилось много.

² Черновой автограф произведения содержит дополнение в виде пояснительной записки: «Эта статья подарена мною 1 августа 1891 года девице Елене Карловне Трейгут, для распечатания в ее пользу, сначала в каком-нибудь журнале, а потом в издании общего собрания моих сочинений книгопродавца Глазунова или же у другого издателя. Ив. Гончаров. 1 августа 1891 г.» [7, с. 440].

В этом смысле одиннадцатая глава от Матфея, возможно, является и ключом к самой природе гончаровской мистификации в новелле «Уха», ибо здесь Христос говорит, что даже Его Самого люди приняли за то, чем являются они сами: «Ибо пришел Иоанн, ни ест, ни пьет; и говорят: в нем бес. Пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам» (Мф. 11: 18–19).

В этом-то евангельском контексте следует воспринимать сцены в шалаше: Гончаров художественными средствами сгущения красок мог выразить мнение толпы о праведнике. К концу жизни духовный опыт писателя диктовал ему, что жизнь праведника чаще всего воспринимается с полным непониманием, что праведнику уготован путь страдания, клеветы и «милльона терзаний». Это он знал по своей собственной жизни.

Внутренним двигателем «Ухи», написанной в преддверии смерти, приближение которой писатель, как известно, чувствовал, было подведение итогов прожитой жизни. Гончаров постоянно возвращался, с одной стороны, к мысли о «милльоне терзаний», выпадающих на долю каждого живущего на земле, а с другой — о «воздаянии праведникам» за их праведность. Это если не единственная тема его последних новелл, то их господствующее настроение.

Перед писателем в последние недели и месяцы жизни, несомненно, вставал вопрос и о мере собственной вины и праведности в преддверии Суда Божьего. Понятно, почему автор «Ухи» переходит к духовно-исповедальному переосмыслению важнейшей для себя темы: темы тайны человеческой души, известной только одному Богу. Эта тема в политическом плане была поднята им в «Необыкновенной истории», где он говорит о слезке за литераторами кружка В. Г. Белинского и о «книге живота» III Отделения, а также о попытках государства контролировать отношения человека с церковью. В более интимном плане эта тема была затронута им в статье «Нарушение воли», где он отстаивал право писателя (и всякого человека) на тайну частной жизни. Ситуация со встречами в шалаше перекликается с тем, что пишет Гончаров в этой статье: нельзя предавать огласке «интимный разговор между собою двух близких лиц, который при свидании вели бы в кабинете, на прогулке, с глазу на глаз, не подозревая, конечно, никакой измены доверия с обеих сторон». О хрупкой тайне человеческой души он говорит и во многих своих письмах.

Его позиция в «Ухе» — это противопоставление, с одной стороны, суетного человеческого мнения, а с другой — беспристрастного Божьего ведения и решения. В статье «Нарушение воли» Гончаров определил человеческий суд как «беспощадный»: «Суд общественного мнения вообще беспощаднее законов уложения о наказаниях. Он проникает во все изгибы злоупотребления, редко допускает смягчающие и жадно хватается за отягчающие обстоятельства. Тысячеглазый его аргус производит следствие, и суд этот произносит беспелляционный приговор». В «Ухе» как итог звучит смиренный авторский голос: «Не ищите — было или не было. Понимайте, как Вам больше нравится, но то, что произошло в течение дня на рыбалке (то есть жизни), принципиально останется тайной. О ней знает только Бог — и Он единственный милосердный и справедливый Судья». «Уха» — это произведение о «тайне» любой человеческой судьбы, а в автобиографическом плане — это, может быть, одновременно и горькая насмешка над человеческим судом, и упование писателя на Бога и Его справедливый Суд.

По видимости, Гончаров старается не нарушить хрупко построенного равновесия смыслов, не настаивает на том, чтобы в нем увидели праведника, живущего по Евангелию, но однозначно ставит в центр повествования мотив неприкосновенности тайны

человека и его жизни, а также связанный с ним мотив Божьего Суда, который выше суда человеческого. В новелле ощутимо выражается упование автора на то, что «последние будут первыми», а униженные людьми будут возвышены Богом.

Здесь, между прочим, выразился и внутренний, никем не замеченный поворот писателя к необычайной простоте смиренной веры, с которой он и закончил свою жизнь. Зато все это выступило на лице умершего Гончарова, что хорошо передал Д. С. Мережковский в своей записной книжке: «Я только что с панихиды Гончарова. Я стоял в маленькой скромной прихожке... Покойный лежал в третьей комнате. И вдруг — когда я взглянул на лицо его — все исчезло: и постылые лица знакомых литераторов, и суетное настроение, и маленькая комната. Я даже не помню, во что был одет усопший, я помню только это бледное, бесконечно тихое лицо. Я видел его при жизни. Это был полуслепой дряхлый старик. Лицо его казалось тогда безжизненным, равнодушным и ленивым, выражало только суетную и скучную поверхность жизни, а свое заветное он слишком глубоко таил от людей, этот одинокий, нелюдимый художник. И вот теперь заветное и глубокое его сердца, то, что создало Веру и голубиную чистоту Обломова, выступило, освобожденное смертью, на бледном, помолодевшем и успокоенном лице. И я почувствовал вдруг, как я всегда любил этого чужого и незнакомого человека, самую чистой и бескорыстной любовью, как только можно любить на земле, не как отца, не как брата, не как друга, даже не как учителя, а как человека, чья душа открывала моей душе великое и прекрасное, и за то он был мне ближе, чем брат, отец, друг, учитель. Мне не было его жалко, не было печально, я не чувствовал страха смерти; напротив, мне было радостно за него, что тишина и примирение, которые были его творческой силою, охватили теперь все существо его. И я думал: неужели это восьмидесятилетний старик? Детская чистота, невинность и успокоение делали это мертвое лицо таким молодым и прекрасным, что нельзя было оторвать от него глаза: так тихо спят только дети» [5].

Среди русских писателей-классиков Гончаров, может быть, наиболее болезненно воспринимал всяческое вмешательство в мир человеческой души. «Уха» показала, насколько глубоко чувствовал писатель эту проблему. В русской литературе он был главным защитником человеческой личности и тайны человеческой души, подотчетной только Богу. Унаследовав традицию «гуманитета» Н. М. Карамзина («Заметка по поводу юбилея Карамзина»), Гончаров подводит под нее христианское основание, в чем раскрывается искренность и глубина его веры.

Что касается «Ухи», то оставляя читателя на распутье и давая ему свободу толковать произошедшее по своему усмотрению, он однозначно выводит на первое место мотив «свободы совести», мотив внутреннего права человека на «тайну», мотив доминирования «Суда Божьего» над судом человеческим. По сути, это одновременно и исповедь, и духовное завещание писателя, в котором полно и глубоко, несмотря на всю кажущуюся незамысловатость сюжета о рыбалке, выразилось его евангельское отношение к жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1960. 368 с.
- 2 *Бейсов П. С.* Гончаров и родной край. Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1960. 186 с.
- 3 *Гончаров И. А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1978–1980.
- 4 *Кони А. Ф.* Воспоминания о писателях. М.: Правда, 1989. 673 с.

- 5 Мережковский Д. С. Записная книжка 1891 г. / публ. М. Ю. Кореневой // Пути и миражи русской культуры. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 352–353.
- 6 Мерзляков А. Ф. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1958. 328 с.
- 7 Русские поэтессы XIX века / сост. Н. В. Банников. М.: Сов. Россия, 1979. 256 с.
- 8 Святитель Филарет, митрополит Московский. Творения. Слова и речи. М.: Новоспасский монастырь, 2003. Т. I.
- 9 Цейтлин А. Г. Гончаров. М.: Изд-во АН СССР. 1950. 492 с.

***

© 2017. Vladimir I. Mel'nik

Moscow, Russia

THE THEME OF DIVINE MYSTERY IN “UKHA” BY I. A. GONCHAROV

Acknowledgements: The article was written with the support of RFBR (grant 17-04-50064).

Abstract: The article deals with the parable-novel of I. A. Goncharov “Ukha (Fish soup)”, written presumably in July-August of 1891. The purpose of the article is to make adjustments to the prevailing view that the work concluding the literary biography of Goncharov is no more than a local Simbirsk joke about cuckolds and bold sexton. In a large measure novella represents a literary hoax, in which the story acts both as a joke about the misguided men, and as the gospel parable confronting the “wise and prudent” on the one hand, and deep believers “simpletons”, “babies” on the other hand. But perhaps Goncharov uses an everyday story about fishing on the Volga as an allegorical picture of the Apostolic Ministry, where sexton plays the role of an unlearned Apostle-fisherman, a “Fisher of men”, that completely changes the meaning of the work and its title. In “Ukha” Goncharov draws upon autobiographical motives of misunderstanding of the person by his environment and defends the sanctity of the human soul’s secret, relying not on the human opinion, but on the impartial judgment of God. “Ukha” is included in the context of the writer's works, which shows that in Russian literature Goncharov was the main defender of the human person and the mystery of the human soul accountable only to God.

Keywords: gospel, Goncharov, religiosity, autobiographysm, hoax.

Received: April 18, 2017

Date of publication: December 15, 2017

REFERENCES

- 1 Alekseev A. D. *Letopis' zhizni i tvorchestva I. A. Goncharova* [Chronicle of the life and work of I. A. Goncharov]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1960. 368 p. (In Russian)
- 2 Bejsov P. S. *I. A. Goncharov i rodnoi kraj* [Goncharov and native land]. Kuibyshev, Kuibyshevs publishing house Publ., 1960. 186 p. (In Russian)
- 3 Goncharov I. A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected works: in 8 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1978–1980. (In Russian)
- 4 Koni A. F. *Vospominaniia o pisateliakh* [Memories of the writers]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 673 p. (In Russian)

- 5 Merezhkovsky D. S. *Zapisnaia knizhka 1891 g.* [Notebook of 1891], Publ. M. Y. Koreneva. *Puti i mirazhi russkoi kul'tury* [The Paths and illusions of the Russian culture]. St. Petersburg, Severo-Zapad Publ., 1994, pp. 352–353. (In Russian)
- 6 Merzlyakov A. F. *Stikhotvoreniia* [Poems]. Leningrad, Sovetskiy pisatel Publ., 1958. 328 p. (In Russian)
- 7 *Russkie poetessy XIX veka* [Russian poetesses of the XIX century], compiled by N. V. Bannikov. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1979. 256 p. (In Russian)
- 8 Cejtlin A. G. *Goncharov* [Goncharov]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1950. 492 p. (In Russian)